

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1-й ГОД ИЗДАНИЯ.

СТУДЕНТ- РАБОЧИЙ

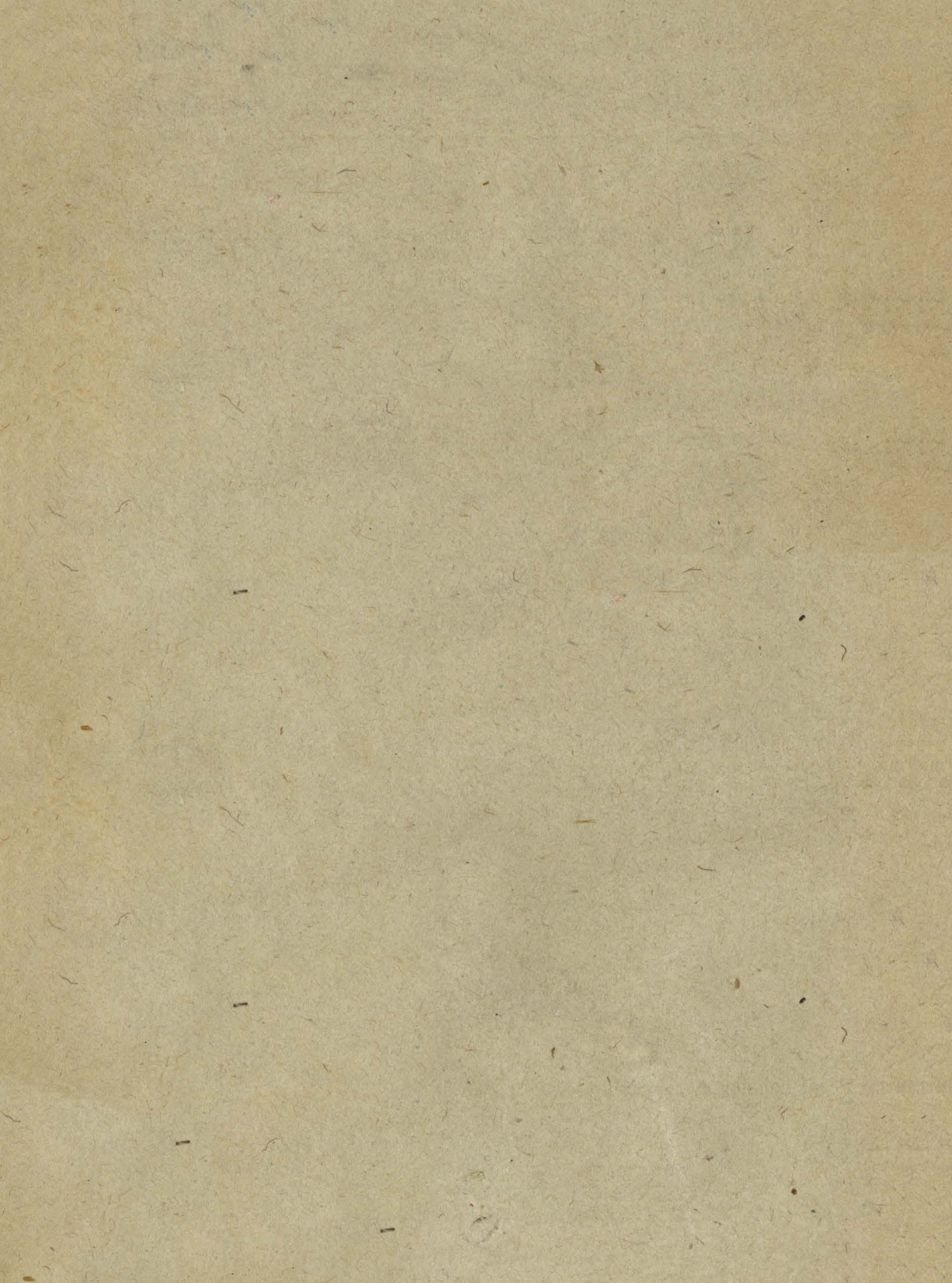
ОРГАН РАБОЧЕГО ФАКУЛЬТЕТА
Уральского Государственного Университета.

№ 2.

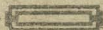

15 февраля 1921 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УРАЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КАТЕРИНБУРГ—1920 г.

Содержание.

1. Топливо и продовольствие	3 стр.	11. Студенческая сходка рабфака 20 февраля с. г.	13 стр.
2. Кое что об интеллигенции	4 " "	12. Работа литературно-художест- венного кружка	13 . .
3. Субботник	6 " "	13. Культурно-просветительная ра- бота на рабфаке	13 . .
4. Плохая весть	8 " "	14. Ячейка Р. К. С. М.	14 . .
5. Слава труду	9 " "	15. Задача	15 . .
6. Поэт-самоучка	10 " "	16. Почтовый ящик	15 . .
7. В тюрьме	10 " "	17. Библиографический отдел	15 . .
8. Мы славим наступ. 4-й год	11 " "		
9. Завет коммунара	12 " "		
10. Из нашей жизни	12 " "		

Топливо и продовольствие.

Два тесно связанных друг с другом вопроса, без разрешения которых все завоевания революции обречены на гибель и которые особенно остро встали перед Советской властью за последний месяц.

Топливный кризис вызвал огромный кризис всей нашей промышленности, которая только-что начала налаживаться. В Петрограде временно принуждены были прекратить работу 64 крупнейших предприятия. Громадное количество вновь отремонтированных паровозов сейчас остановились и стоят охлажденными. На многих дорогах, в особенности на южных сохратилось движение,—топливный голод подошел вплотную и встал перед нами во всей своей остроте.

Сейчас необходимо найти выход из создавшегося отчаянного положения.

Выход один—усилить заготовки угля, дров и вывезти к станциям железных дорог уже заготовленное топливо. Это должны понять все—должны понять и те рабочие и те крестьяне, которые находятся на рабочем факультете.

Помощь, которую мы можем оказать—мы должны оказать.

Все устраиваемые субботники должны нами безпрекословно посещаться, потому что все они неразрывно связаны с топливным фронтом, кроме того очень многие из нас поддерживают путем переписки связь с местами, которые командировали нас на рабочий факультет.

В своих письмах к родителям, братьям, сестрам необходимо указать на тяжелое положение нашей промышленности, в связи с топливным кризисом, необходимо указать на то, что до начала распутицы осталось очень немного времени и это время надо использовать для усиленного подвоза топлива к станциям железных дорог. Мы должны призвать их приложить прямо невероятные усилия, чтобы вновь заработали фабрики и заводы, вновь задымили паровозы, потому что, если в Питере и других промышленных центрах останавливаются за недостатком топлива фабрики и заводы—значит деревня лишается рубашки, иголки, лопаты, серпа и т. д.

Другой большой вопрос, который выпал у нас за последний месяц—это продовольственный.

Вызван он был во первых, сокращением движения поездов за недостатком топлива и во вторых, временным перерывом сообщения с Сибирью.

Обе наши столицы и весь центральный промышленный район, который является районом потребляющим питался большей частью сибирским хлебом. Благодаря кулацким восстаниям в Тюменской и Челябинской губерниях подвоз сибирского хлеба прекратился и Екатеринбург должен был поделиться своим хлебом с рабочими Питера и Москвы.

Каковы же задачи нас—студентов на продовольственном фронте.

Мы, прежде всего, как передовая часть трудовой интеллигенции должны понять причины вызвавшие уменьшение пайка, мы все должны ознакомиться с воззванием Губернского Совета профессиональных бойцов (Уральский рабочий № 47 от 2 марта).

мы должны проявить максимум бодрости и выдержки, мы каждому Трудящемуся, который поддается панике, должны толково разъяснить, почему жена рабочего этот месяц будет получать 14 фунтов муки, в письмах своих к родным, мы должны призвать их на помощь, должны призвать их не поддаваться контр-революционной агитации кулаков, которые хотят привести Россию к царю, должны доказать, что если они поддерживают кулаков, белогвардейских офицеров, то голодаем от этого мы, голодают дети голодают их братья—рабочие и крестьяне Москвы и Петрограда.

Вот наши задачи сегодняшнего дня. Положение тяжелое, но мы из этого кризиса выйдем с честью, как выходили из более трудных положений, когда нам грозили враги на фронтах.

Уральские и Донецкие шахтеры увеличат добычу угля, уральские крестьяне усилят лесозаготовки, с начала навигации с юга движется нефть и тогда опять заработают с новой энергией фабрики и заводы, снова задвигаются наши паровозы. Организация государственного семенистого фонда обеспечит полный засев всей посевной площади—и костлявая рука голода уже не будет висеть над нами.

Вдохнем творческую энергию и молодость в работу и победа за нами.

Коммунизм рождается в муках голода и труда. Он восторжествует в радости и счастье всего человечества.

• Кое что об интеллигенции. •

Изменение общественного сознания находится в прямой зависимости от окружающей обстановки. Эта старая марксистская формула подтверждается сейчас целым рядом фактов. Происходящая великая революция заставила многих и многих поступиться старыми истинами, как ошибочными и нежизненными в данное время. Расшевеливание мозгов произошло полное. Интенсивность внешней жизни вызвала соответствующую интенсивность в умственной жизни: умственных восприятий и переживания этих восприятий, как во время всяких крупных перетрясок, так и в эту,—вышла наверх все, имеющееся в распоряжении современных лет, элементы и незаметно отделились друг от друга. Выделился элемент активных, принимающих широкое участие в общественной жизни страны, работников и осел на дно элемент пассивный, элемент который не смог стать на собственные ноги, этот последний, служащий балластом в развитии революции, заставляет расстраивать известную долю и силы и энергии у движущего элемента. Но для подобного разделения была необходима и соответствующая подготовка, выявившаяся в изменении самого способа мышления, самого способа реагировать на происходящее. Изменение способа мышления выразилось, главным образом в том, что определенная часть общества стала подходить ко всем явлениям, ко всем действиям с общественной меркой. Всякое действие начинает рассматриваться с точки зрения его полезности, общественной и своевременности, причем подобный подход в настоящему положению вещей охватывает очень широкие слои. Общественная мерка становится той основной ценностью, с которой соотнобразывается все остальное. Вторым изменением в способе мышления является необходимость быстрейшего и постоянного согласования между делом и словом. Особенно важным изменением явилось это для нашей интеллигенции, среда которой никогда не издает большой процент Ру-

дных. В данное же время желалось не отстать от быстро летящего поезда революции, заставляет не допускать интервалов, (имевших место раньше) между словом и действием. Революция приучает, а часть уже и приучила к быстрому реагированию на явления, к быстрому выяснению их, и к не менее быстрому проведению в жизнь тех действий, которые вызываются данными явлениями. Первый признак нового способа мышления, а именно склонность подходить ко всякого рода явлениям и действиям с общественной меркой, является в тоже же время и критерием социальной потребности в человеке. Социальная же потребность, имеющая место и среди животного мира, естественно выделяет людей, обладающих ею, из остальной массы и делит таким образом эту массу на части. Эта естественная разбивка произошла, как и среди крестьян и рабочих, так и среди интеллигенции. Роль ее в подготовке революции была достаточно крупной. И когда произошла февральская революция, то не менее усердно чем прежде схватилась интеллигенция за новую работу. Борьба партий вовлекла ее в свой водоворот и сильным ударом для большинства послужила Октябрьская революция. Несколько ошеломленная новым переворотом интеллигенция зашевелилась, прикрываться фиговым листком „науки для науки“, и искусства для искусства не приходилось. Политика стала жизнью, политика претворилась в жизнь и втягивала в себя все более или менее живые элементы страны. Перед интеллигенцией стал вопрос: куда броситься? За кем идти? К кому приспособиться? Ее „внеклассовость“, „внесословность“ (Иванов-Разумник, которыми она раньше гордилась—обратились в оружие против нее же. После октябрьской революции во весь рост встала классовая борьба, резко разбив мир на два лагеря, между тем как период после—февральской революции, характеризуется еще борьбой между целым рядом партий, среди которых многие имели окраску промежуточности. Эту промежуточную окраску и уничтожил Октябрь, выдвинув две прямо противоположные силы—капиталиста и пролетария. Вот об эту то ярко выраженную классовую борьбу и разбилась „внеклассовость“ интеллигенции. Как в каждом отдельном человеке, так и в каждой отдельной группе—силы жизненный инстинкт, желание сохранить себя, свои особенности. Очутчившаяся в весьма шатком положении интеллигенция стала искать из него выхода. И именно потому, что интеллигент был „внеклассовым“ ему пришлось выбирать между двумя, вполне определенными, классами. Таким образом его главная особенность „внеклассовость“, теряет свой смысл и сходит на нет. И если капиталист и рабочий естественным путем отходили в соответствующий лагерь, то интеллигенту приходилось считаться с создавшимися убеждениями. Началась переоценка ценностей, началась мозговая чистка, и единственный путь открытый для интеллигенции, приспособление—должен был для нее окончательно выясниться. Часть, которая не в силах была продолжать борьбу отошла к обывателям, очутилась в хвосте революции, увеличив балласт, который приходится тащить за собой активному элементу. Другая часть приспособилась к лагерю капиталистов. Приспособление было не из трудных. Идеологии менять почти не приходилось, исключая правда небольшой потери (у некоторых) демократических замашек. Труднее пришлось третьей части, той части, которая отошла к пролетариату. Нужно было произвести основательную ломку для того, чтобы изжить из себя целый ряд старых, врожденных умирающим капиталистическим строем тенденций, ставших во времени для молодому начинающему жить поколению. В силу чисто физических причин более зрелая часть интеллигенции не могла совсем слиться с классом, к которому она отошла. Шерехватости остались и не исчезнут. Молодая же часть, растущая и развивающаяся во время революции, не имеющая прочно вкоренившихся традиций,

кроме того обладающая большим запасом воли и энергии легче изменяла и изменяет свою идеологию, постепенно сливаясь с рабочим классом. И в данный момент роль такой слившейся и сливающейся интеллигенции безусловно велика. Ей, имеющей в большинстве случаев какие либо специальные знания приходится применять их на деле, связывая с общественной работой и ни в коем случае не отходя от нее. Нового характера спецы должны выходить из молодого поколения интеллигенции (точно также и из рабочего класса). Спецы, измеряющие свою работу той общественной меркой, о которой говорилось выше. Интеллигенцию научившуюся понимать, в каждый отдельный момент, глубину этой общественной мерки, можно считать уже по идеологии пролетарской, так как эта общественная мерка является результатом суммирования всех, как отрицательных, так и положительных данных, имеющих место в постояннодвигающемся сознании пролетариата. Понимание же пролетарского сознания и согласование с ним всей своей работы и есть прочная спешка, тесное слияние с рабочим классом.

Е-на Якимец.

С у б б о т н и к.

„Свободный труд — цемент грядущей жизни“.

Морозит... Играет солнце. Скрипит яркий снег под нашими мерными шагами. Идем вперед бодро, уверенно. Впереди нас ждет труд. Как магнит он влечет нас к себе. Порою холод дает себя чувствовать. Это заставляет нас шагать быстрее, дружнее. Вот мы пришли. Быстро пересчитываемся. Получаем работу. Идем... Проходим длинный ряд заводских зданий, мастерских. Проходим склады угля, досок, сена. Переходим узкоколейку. Мы у цели. Десять вагонов дров ждут нас на передаточной ветке железной дороги. С трудом открываем прижатые дровами двери. Работаем... Быстро мелькают в воздухе поленья. Перед вагонами вырастают большие кучи дров. Работаем дружно, без передышки. Нам нужно спешить. Уже вдали тревожно гудит паровоз. Он идет забрать порожняк. Мы усиливаем энергию. Дрова выгружены. Несмотря на холод нам тепло. В сердце бодрая радость.....

Идем дальше.... Проходит паровоз с порожняком. Получаем новую работу. Отрываем в снегу бревна, примерзшие друг к другу. Поднимаем их бруслами. Катим вперед к платформе. Там поднимаем канатами. Укладываем. Дует холодный ветер. Он нам не страшен. Труд согрел нас. Труд усилил нашу энергию.

Бревно за бревном катится к платформе. Изгибаясь подталкиваем их вперед.

Отдыхаем... Пар идет от ваших лиц. Утомленные, радостно смотрим на голубое небо, на искры солнечных лучей, сверкающих в снегу.

Отдохнули.. опять бревно за бревном дружно катится к платформе. Порою усталость пытается сковать нас. Но мы сильны, мы тверды. Волею духа мы сбрасываем ее. И бревно за бревном мерно катится к платформе....

Платформы нагружены. Мы кончили. Идем домой... Радость труда играет в наших сердцах. Творческая бодрость вливает энергию в наши уставшие тела. Утомленные физически, — мы сильны духом. Усталость тела пройдет не сегодня, так завтра. Бодрый дух — он останется и сегодня, и завтра и всегда. Он крепнет, он закаляется в процессе свободного труда. Мы живы духом, мы сильны духом. В силе духа наша победа!

А. Хирнов.

Тьшина.... Тугостная напряженная... Густая плотная оболочка свинцово-серой мглы окутывает все. Небо однотонное, без капризных изгибов облаков, тяжело сдвинулось в одну массу. Все серо. Одна краска поглотила все остальные. Нет яркого возбуждающего перебива тонов. Лишь изредка свинцовый полог неба расходитсЯ, как в щель проблескивает зарница и видно тогда легкое смитение в маленькой, серой кучке людей. Ежится испуганно корчится мертвенно-серое поношенное лицо когда то стройного сильного человека. Судорожно цепляется он слабыми руками за своего соседа, крепко сбитого, маленького толстого человечка, приседающего при каждом блеске к земле. Опускается и тащит за собой верзого. Худой, костлявый, он механически повторяет каждый новый раз старые движения. И тут же рядом другие люди. При каждом блеске, все вверх стремятся. Осталось в них стремление вверх и радость жизни, что потеряли те остальные. Прижавшись близко один к другому, из трех отдельных одно составив, кричат победным веселым криком на каждый новый алый отблеск. И расцветает красным цветом бутон в руке у одного из трех.

„Когда же станет таким он ярким, что землю всю разбудит светом“.

„Дадю ему своей мы крови. Скорее выдохнет и расцветет он“.

Со страхом двое, услышав это прижались тесно один к другому.

— „Ты слышишь, крови хотят цветку дать“.

— „Ослепит нас его яркий цвет,— не хватит силы ума и воли, чтоб твердо вынести этот удар“.

„Ты так красиво говорил когда то шептал толетяк соседу, „уговори их заклинать дальше цветок проклятый. Скажи что пользы он им не даст. Скажи, что силы у них не хватит нести то бремя, за что берутся. Тебе и злата за то дам много. Иди скажи им, ты так красиво умел когда то всех убеждать“.

Пока шептались они, те быстро раскрыли вены. И ярко-алая кровь заструилась в бутон цветка.

— „Все больше, больше уходит крови. Не хватит силы, погибнем сами, а с нами вместе погибнет дело, всей нашей жизни“.

— „Смотри. Смотри. Сейчас умрут, не хватит крови. О, радость, счастье“.

Зло усмехаясь, кричали двое. Но вдруг упали они на землю и ползать стали, скрипя зубами, не видя света вокруг разлившегося. Он ослепил их. Он отнял силы и тибли злобно с желанием мести. А ярко-алый, блестящий, светлый цветок все дальше кидал лучи. Земля вся вскоре покрылась светом. И юность снова везде забилась. А трое сильных борцов за правду выше кверху цветок подняли и гордо смело всем говорили: „Мы долго боролись. Мы верили в дело, великое дело и жизни и счастья. В зарницах ярких победу нашу мы прозревали. Она пришла. И юным гордым настало время творить и строить победы здание. И мы построим. Алый свет не погаснет. Он ярче выдохнет, везде проникнет и все осветит. Мы были храбры, мы были смелы, безумно смелы в срывании старых гнилых одежд, мы будем сильны, мы будем мощны и вечно юны в создании новых, живых надежд.“

Акимов.

Плохая вестъ.

„Вишь для парня то надо бумагу из волости выправить, еще восеть писарь говорил. Ну а эту бумагу без десяти рублей достать никак невозможно“, говорит плутоватого вида мужиченко Иван, своей сморщенной пятидесятилетней жене. Старушка сидела у большой, широкой и неуклюжей печи, изредка поправляя на щеке сложенный клетчатый платок с горячей золой в середине и поспешно, но осторожно, почти не раскрывая рта, шамкала: „Ох, мои зубы, зубаньки“.....

Ворчливая старуха, хотя и знала плутовский нрав своего мужа, но всетаки, вспомнив своего единственного сына, которого вот уже два года как взяли в солдаты и отправили куда то далеко—далеко,—пошла к маленькому выкрашенному сундуку. Иван—земский ямщик, и собирался ехать в Загуляевское волостное правление. Предстояло отвезти сегодня до соседней волости какого-нибудь возвращающегося с фронта солдата. Через полчаса после этого Иван довольный полученным желанным десятком рублей, немного сконфуженный и смущенный тем, что обманул старую жену—ехал в Загуляево.

По высокому берегу речки „Соисъ“ раскинулось небольшое село „Загуляево“. Избы маленькие большею частью крытые соломою, с плетеными изгородями—до половины занесены снегом. На краю села стоит маленькая, деревянная с провалившейся крышей часовня, а рядом с нею в старом доме помещается волостное правление.

В избе было сильно накурено, клубы синяго дыма перекатывались между дверью и окнами. Около десятка человек солдат сидели и лежали на скамейках, расставленных по углам. Кто то рассказывал.

„Сидели мы значит в окнах“—рассказывал расположившийся у печки невзрачный солдатик. „Было сыро и холодно. Ночь выдалась темная. На небе ни одной звездочки. Этот самый Перфишка был рядом со мной. Сначала шепотом переговаривались, но в такую ночь, как-то невольно, становится жутко. Лучше молчать. А ввечеру то нам было сказано, что в эту ночь наверное придется идти в наступление. Набрали патронов и сидим совсем наготове. А потом, часу эдак во втором, Перфишка-то тихо-тихо и говорит: „приготовься, передай дальше“. Как-то больно защемило в груди. Кругом тишина мертвая. Темно не различить ни неба, ни земли. С болога потянуло сыростью. И так больно, так тоскливо от всего этого стало.“

Цепью пробираемся по полю. В стороне раздалось несколько выстрелов. Наверное неприятельские патрули заметили. На левом фланге стрельба участилась, дали несколько залпов, а потом вдруг раскатилось где то там же далеко: Ура!

И сразу стало как будто легче. Впереди стреляют. Окликнул Перфишку, но он должно быть не слышал. И почти в ту-же минуту чем то больно обожгло руку, чем то липким залило пальцы, винтовка выпала из рук. В голову сильно ударило. Ощулся я уже в лазарете. А на другой или третий день узнал, что Перфишку то на смерть. Саблей сказывают голову на двое раскроили. Жалко парня. Солдатик крикнул и сплюнул в сторону. Вспоминать было больно.

Дорога ухабистая. Лошаденка чуть плетется. Быстро наступили зимние сумерки. Несколько времени ехал молча. Выглянула луна, залила все мягким матовым

светом. Иней, густо покрывший мелкие кусты, заискрился. Расколовшиеся по обеим сторонам дороги громадные сосны и березы чуть шедестели своими вершинами. Поляны сапой без конца напевали одну монотонную тоскливую песню.

„А сам то откуда будешь?“ прервал молчание солдат—из Хвостовой.

Так ты знаешь наверно Перфишку про которого рассказывал солдатик. Он тоже как будто из Хвостовой.

Как не знать . . . как бы нехотел отвечать ямщик, в потом немного помолчал, добавил: сын мой Перфишка-то будет.

Мужиченка задергал возжами и слышно было как вскрипывал. Совестно было, что обманул свою больную старуху—жену, взяв десятку для того, чтобы пропить ее на постоялом дворе у чернобровой солдатки. Жалко было и сына Перфишку.

„Жизнь моя окаянная“

Н. Георгиев.

Да здравствует гений всемирных чудес-великий и творческий труд.

Слава труду.

Эх! Люблю порывы живого труда
Веселый ласкающий шум:
Он много собой поднимает во мне
Святых и торжественных дум.

Мне люб ободряющий звон молотков,
Шипенье отточенных пил,
Все это кипенье, весь этот под'ем
Наружу прорвавшихся сил.

Да здравствует двигатель страд и миров,
Сердца возвышающий труд!
Он—золото жизни, он—солнце во тьме,
От бедности тихий приют.

Горячий, могучий и стойкий в борьбе,
Он жизнь украшает собой,
Крепя наше тело, давая душе
Веселие, свет и покой.

Хвала его крепким плечам и рукам,
Его молодому чеху.
И первое красное место ему
В почетном переднем углу.

Э. Пиняжи

Поэт—самоучка.

Дух сознания—дает мне силу,
Стихи народу сочинять;
Долг человека,—дает веру
О правде думать и писать.

Коммунизм,—дает мне долю
За людей душой страдать
Жизнь—борьба, дает мне волю
Злых от добрых отличать.

Свободный Лозунг—«труд—наука»
Велят учиться и творить,
Смотреть на мир широким оком
Мост к цезарям—людям мостить

И вот забыв преграды мира,
Я хочу тот мост мостить:
Нескладный стих под звуки „хирь“
К моим братьям относить.

Красный путь к социализму
К свободе равенству ведет
Строй Государственный Советский
Мои братья?! . . . Он вас зовет.

Вы братья—низы мира
Вы царь . . . —Вы Бог земной
Вы рать могучая и силы
Вы свободный люд святой.

Эй! Люд великий и царь правды:
Восстань от сна.—Иди вперед,
Возьмись за труд, за идеалы,
Смелей, смелей. Иди вперед!

Ф. Чудинов.

В тюрьме.

(Посвящается Февральской революции).

Я сидел заключен в Петроградской тюрьме
Страшный сон, вещий сон раз привиделся мне:
Будто пало в удел мне до гроба страдать,
Будто волюшки мне никогда не введат.
Всю я ночь запролет безутошно рыдал
И проклятый свой рок и судьбу проклинал.
Арестантский катан и слезами смочил:

Быть до гроба в тюрьме, заключил,
 Вдруг—О, ужас какой!—и открыл я глаза:
 За тюремной стеной загремела гроза,
 Я неверил себе в тот обманчивый слух,
 Я не мог понимать, что творится вокруг,
 Слышу входит народ в наш глухой корридор
 И срывает с дверей тот тюремный занор.
 Вот и страшный мой сон, произвол вековой,
 Расчитался теперь навсегда я с тобой.
 На востоке горит еще кротко заря,
 А в России уже нет владыка царя.

И. Ермаков.

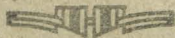

* * *

Я со скорбной душой в волнении в груди,
 Стал отца утешать и родимую мать
 Рассказал им о том, что их ждет впереди
 И о том, что недолго осталось страдать.
 Разъяснил им о том, что воскрес идеал
 Призрак счастья грядущего реет в глазах,
 Гибнет лжи и насилия презренный ваал
 Темнота и невежество в прах.
 Пронесутся года как степной ураган
 Все устроится вновь всемогущей рукой
 Не придет тогда к вам страшный голод тиран,
 С обветшалой сумой и железной клюкой.
 Уж заря занялась, всходит солнце в горах
 И бледнеет, бледнеет, лазурный простор,
 И все галы бегут, спешат скрыться в горах,
 Забираясь в ущелье в расщелины гор.

Вы вздохнете смелей обновленным умом
 И стряхнете с себя вековой произвол,
 И все старое вам вдруг покажется сном
 И не будет ваш труд вам и горек и зол.

И. Ермаков.

Мы славим наступающий четвертый год.

(Посвящается Октябрьской революции).

Мы молодежь
 Грядущей жизни весь облот,
 Поем, неся врученные знамена
 И славим наступающий четвертый год.

Встречал на пути преграды,
 Сыны терзаний и невзгод,
 Мы славим праздник наш, наступающий четвертый год
 Три года уж прошло,

Мы движемся вперед

И веря в истину и благо

Мы славим наступающий четвертый год

В нас жизнь сейчас кипит

Зовет к борьбе вперед,

И не страшась ее, набравшись новых сил,

Мы славим наступающий четвертый год.

П. Калистратов.

Завет коммунара.

Когда заболею смертельно,

Ко мне не зовите пола;

Я умру коммунаром примерным,

В землю уйду навсегда.

Псалтырь над мной не читайте,

Не жгите напрасно свечей

Лучше марш похоронный сыграйте,

Несите к могиле смедей.

Крест над могилкой не ставьте

Не смейтесь над верой моей

Одну доску к могиле поставьте,

«Коммунар» напишите на ней.

Ф. Чудинев.

Из нашей жизни.

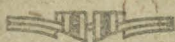
О работе Собеца студсекции Рабфака.

Собез разделяется на три отдела: продовольственный, снабжение и распределение и жилищно-квартирный. В настоящее тяжелое время собезу приходится испытывать в своей работе некоторые затруднения. В первом отделе положение сравнительно лучше, чем в других. Выдача пайка за январь заканчивается. При выдаче были некоторые ненормальности, к устранению каковых принимаются меры. Пайком удовлетворены все студенты (694 чел.). Столовая, в которой обедают все желающие, обслуживается довольно удовлетворительно.

Со снабжением дело обстоит хуже. Теплой одежды было получено 15 полушубков и 35 цимов, что неудовлетворило в десятой части студентов. Мануфактуры имеют

ся весьма ограниченное количество: 25 арш. трико и 40 арш. бельевого полотна, выдаваемых в экстраординарных случаях. Печальное дело с починкой сапог, которая совершенно прекратилась.

Квартирно-жилищный отдел занят ликвидацией общежитий в здании Рабфака (и общежития—140 чел.) которые тормозят планомерной учебной работе и представляют опасность в случае возможности эпидемий. Все подавшие своевременно заявления о неимении электричества получают за февраль по 5 фунтов керосина. Все подавшие заявления на дрова в декабре месяце, получают дрова.

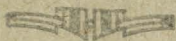
Студенческая сходка Рабфака 20 февраля с. г.

Присутствовало около 400 человек. Председатель студсекции т. Лошилов сделал доклад о работе новой студсекции. Наблюдается значительная организованность и оживленность в работе, что нельзя было сказать о работе старой студсекции. Улучшилось снабжение и санитарное состояние Рабфака. Интенсивно работает научно-академический отдел, создавал новые методы преподавания и стремится привлечь возможно шире студентов к работе отдела, культпросвет ведет работу по организации клуба и кружков. Сходка одобрила работу студсекции после незначительных прений. После этого обсуждался доклад о предстоящем юбилейном вечере 15 марта с. г., о мерах по общественной дисциплине и ряд мелких вопросов. Сходка прошла довольно оживленно.

Работа литературно-художественного кружка.

Литературно-художественный кружок соорганизовался в начале декабря п. г. и насчитывает в настоящее время около 90 членов. За истекшее время сделано 4 общих собрания, на которых разбирались современные поэты (символисты, крестьянские и пролетарские), а так же был сделан доклад тов. Пугиным «Город в современной литературе». Посещаемость собраний значительна. Прения бывают довольно оживленны. В ближайшем будущем предлагается устроить ряд собраний, посвященных пролетарской культуре и жизни, на которых эти вопросы будут дебатироваться. В дальнейшем предполагается выдвинуть вопросы о пролетарском театре, о творчестве Горького, о Луначарском, как драматурге и т. д.

Культурно-просветительная работа на Рабфаке.

Нужно сказать, что до сих пор культурно-просветительной работы на Рабфаке не было. Да и теперь еще она не на своей должной высоте. А между тем это одна из самых важнейших отраслей работ у нас. Самое главное, что удалось нам до сих пор, это организовать читальню и этим самым дать возможность студентам не быть хо-

веждами в окружающих событиях. Второе, что нужно отметить в этой работе это существование двух кружков — «Литературно-художественный» и «Общественно-Исторический». Затем приступлено к организации клуба, самое важное и необходимое для Рабфака.

В дальнейшем перед культпросветом стоят следующие задачи:

1) Развернуть во всю ширь кружковую работу, открытием еще новых кружков. Нужно заметить, что за последнее время среди студенчества Рабфака проявляется особый интерес к внеклассной работе.

2) Поставить на должную высоту библиотеку, а главным образом читальню. Библиотеку необходимо первым делом пополнить, привести все книги в систему и урегулировать их выдачу.

Для читальни нужно приобрести главным образом журналы (кроме газет), актуально издающиеся брошюры и т. д.

3) Организовать клуб, чтобы каждый студент Рабфака мог в нем видеть место просвещения и отдыха.

Вот три основных задания культпросвету, которые должны в самом скорейшем времени быть выполнены.

Мерман

Ячейка Р. К. С. М.

Не приходится спорить о том, что ячейка Р. К. С. М. дает нам факт существования двигателя политического развития молодежи Рабфака.

Наша ячейка организовалась 10-го октября.

Приступив к работе она, конечно, первым делом обратила самое серьезное внимание на политическое развитие своих членов.

Для этого читались лекции, проводились беседы и т. д.

Вообще велась обычная союзная работа.

В настоящее время в ячейке насчитывается около 130 членов из которых до 100 членов вполне политически грамотны. Поэтому теперь перед ячейкой уже стоит и очень остро вопрос о том, что нужно развертывать работу в общерабфаковском масштабе. Правда за последнее время (после каникул) работа в самой ячейке была пала, но это уже удастся исправить.

В скорое время ячейка предполагает устроить „публичный политический суд над Рабочими факультетами“. Здесь будут обсуждаться самые принципы построения Рабочих факультетов и практическое проведение их в жизнь.

Затем намечен еще ряд работ, которые будут проведены в общерабфаковском масштабе. Вот приблизительно маленькая информация, которую можно дать о ячейке Р. К. С. М. на Рабфаке.

Мерман

Задача.

Над озером тихим с полфута размером высился лотоса цвет. Он рос одиноко... И ветер порывом отнес его в сторону. Нет больше цветка над водой! Нашел же рыбак его ранней весной в двух футах от места, где рос. Итак, предложу я вопрос: „Как озера вода здесь глубока?“

X.

Почтовый ящик.

1. Товарища написавшего стихотворение посвященное „Уральским Рабочим“ просит зайти в редакционную коллегию для переговоров.
2. Тов. Якимед—Ваши советы, относительно статей на общественно-политические темы, приняты нами к самому ближайшему руководству. Надеемся, что организующийся в настоящее время общественный кружок в значительной мере облегчит вам эту задачу.

Библиографический отдел.

Товарищи!

Библиографический отдел журнала ставит своей целью давать отзывы о книгах, как вновь поступающих в библиотеку Рабфака, так и прочитанных Вами и полученных из других источников, помимо библиотеки Рабфака. Ввиду этого желательна возможно широкое участие всех товарищей в этой работе, путем присылки отзывов о прочитанных книгах. Отзывы надлежит направлять в Редакционную Коллегию.

Редактор Редакционная Коллегия в составе:

Ответственного редактора А. Эльновского.

И. Рогожина и А. Хирнова.

